

□

ПРИЗРАЧНО ВСЕ...

...порой от страха умирая,

по лезвию ножа скользить,

по иглистому краю,

едва дыша...

Кто из нас не хотел заглянуть за край, увидеть — что там?

Как будет выглядеть наш привычный мир, наше будущее, если в наше восприятие добавится четвертое измерение? На этот вопрос давно и небезуспешно пытаются ответить писатели-фантасты.

Как же создается фантастика? Одни произведения появляются на свет после прочтения «зацепившего» романа или повести. Есть появляющиеся подобно вспышке — как люцидные сны — когда с трудом понятно: где иллюзии, а где действительность. Иные люди и сами живут как в сказке: любая ситуация, природное явление для них — открытие, экскурсия в непознанный мир... Кто-то, отключившись от обыденной реальности, видит будущее райским садом; у кого-то «сон разума рождает чудовищ». Единой формулы нет.

Кто скажет — где зыбкая грань не только между прошлым и будущим? Между выдуманными и реальными мирами?

Конкурс «Метафорическая деформация» финишировал. И не мне одной судить, насколько этот финиш успешен. Могу сказать: для кого-то из авторов он, вполне возможно, стал разочарованием. Одни не получили желанного признания и уверений в своей гениальности. Другие избавились от иллюзий и получили стимул к дальнейшему творческому совершенствованию.

Критика — вообще занятие неблагодарное. А литературная критика — в особенности. Авторское самолюбие — страшная вещь. Но... самый главный цензор живет у нас внутри. У каждого — свой...

Все возвращается...

Если бы существовала номинация «За верность традициям», в ней все лавры собрали бы рассказы Евгения Борисова «Тринадцатый», Владимира Подюкова «Деформация сознания» и Святослава Олейникова «Завтра обещали дождь». Все три произведения принадлежат к жанру твердой научной фантастики. Подобные произведения охотно публиковали при Советском Союзе в сборниках «НФ» и отечественных антологиях. Нимало не иронизируя, хочу заметить: авторы без излишней ностальгии, добротны и достаточно профессионально попытались одновременно сохранить верность традициям

и поддержать угасающий дух научной фантастики. Причем в то время, когда, кажется, придумать что-либо новое в этой области невозможно. За одно это они заслуживают уважения.

Как старых знакомых встречаешь мистера Брукса «Завтра обещали дождь», горе-самогонщика Ивана Семеновича Змеевкова (многоговорящая фамилия!), профессора Коновалова «Деформация сознания»... Все герои, как и положено по уставам соцреализма, живые, каждый со своим характером и жизненными заботами. Вот Коновалов, взволнованный глобальными вопросами прогресса человечества... Вот Змеевков, ставший жертвой этого самого прогресса. «Очкарики» из НИИ модернизировали его самогонный аппарат, да заодно и его самого: теперь бедному и шкалика не выпить — за здоровьем железно следит робот... И как симпатичен мистер Брукс, вспоминающий детство и шлепающий в защитном костюме, поглотившем все его сбережения, по ядовитым лужам — под кислотным дождем...

Все три рассказа можно отнести также к фантастике социальной. Кроме того, «Завтра обещали дождь» Святослава Олейникова рожден на стыке постапокалиптической фантастики и антиутопии, а «Тринадцатый» Евгения Борисова несет в себе черты детективной и юмористической фантастики.

Хотим ли мы в такое «завтра»?

Антиутопия — жанр невероятно сложный. Нужно не только до мелочей вообразить, построить, продумать, создать день завтрашний, но и осознать — а как будет тогда жить отдельный человек? Мотив принесения в жертву личности ради иллюзорного благополучия государственной системы и условного абстрактного общества явственно звучит в рассказах «Дракон» Андрея Новолоцкого, «Человек с бульвара Стивена Кинга» Кирилла Агеева и «Зеленый дом» Михаила Токмакова. Вот чем могут обернуться предполагаемые молочные реки и кисельные берега будущего...

Именно поэтому на творчестве авторов хочется остановиться подробнее.

Андрей НОВОЛОЦКИЙ (г. Челябинск) ДРАКОН

У автора есть несомненный литературный опыт и чувство юмора, что немаловажно. Рассказ построен достаточно грамотно, сюжетная линия выстроена, есть интрига, завязка, кульминация и неожиданная развязка.

«Предпоследняя мысль была: «Черт бы побрал всю эту срань!» А последняя: «Слава Богу, завтра».

Многообещающее начало.

Главный недостаток (на мой взгляд) — тот же, что и у большинства конкурсных произведений — вторичность сюжета. Апокалипсис. Абсолютное зло. Наказание неизбежно. Чудесное (и кажущееся) спасение.

Второй недостаток — сюжет распадается на несколько линий, которые могли бы составить три самостоятельных потока и развиваться отдельно: отравленный Город и двадцатка Посвященных; антигравитационная зона; уничтожение города и перенос героя с котом на Марс (?).

Ни одна из этих линий не отработана полноценно, а стоило бы. Они насильственно слеплены вместе — отсюда чувство нагроможденности. Постоянно что-то добавляется: Избранный, фанатик-изобретатель, судилище, говорящий кот, перемещение в пространстве-времени, Марс... Еще зеленых бы человечков сюда!

Михаил 'g.A.Mauzer' ТОКМАКОВ (г.Новокузнецк Кемеровской обл.) ЗЕЛЕНый ДОМ

При чтении рассказа невольно вспоминается диалог героев Алистера Маклина:

— ...ел... грейпфруты да подсолнечное семя. Он практически только этим и питался. Вегетарианец придурочный.

— Полегче на поворотах, Тадеуш. Вегетарианцы могут стать вашими гробовщиками. (Роман «Остров Медвежий»)

Маклин, судя по всему, напророчил. Не случайно часть ника автора совпадает с инициалами знаменитого детективщика.

Рассказ хорош и достаточно профессионально сделан, производит сильное впечатление. Но вот мое скромное мнение: политическую составляющую можно было бы слегка ужать. Темы, подобные заявленной в рассказе, лучше раскрывать просто и наивно — чтобы было еще страшнее.

И желательна несколько более четкая развертка событий, дабы избежать некоторого имеющегося сумбура. Ключевые моменты: запрет на мясную пищу в поселениях, аресты нарушителей этого закона, нападение на законников, буква «S» на боевых машинах (позже — на консервных банках), перечисление количества пленных, убитых и раненых, откорм выживших и переработка их на еду. Все эти линии имеют право на жизнь и заслуживают яркого и глубокого раскрытия.

Ситуация, описываемая в рассказе, сознательно апокалиптична, имеет глубокий моральный и социальный подтекст. Чего стоит только Европа, питающаяся людьми других континентов... А еще «жнецы смерти». Что ж, товарищ Маузер не зря взял слово...

Кирилл АГЕЕВ (г.Москва) ЧЕЛОВЕК С БУЛЬВАРА СТИВЕНА КИНГА

Рассказ с первого взгляда читабелен — хотя бы из уважения к Стивену Кингу. Но даже если отбросить его полную и абсолютную вторичность (кибер-мир, азотные гробницы, Департамент ментальности, избавление от чувственных предрассудков и т. д.) — в нем имеет место неоправданный сюжетный поворот: *«И вот в ночь с субботы на воскресенье я решил воспользоваться своей свободой на полную катушку. И вздумал отыскать на Бульваре Стивена Кинга легендарного Кибериуса, поэта и убийцу в одном лице. Почему именно там?»*

А почему именно его? — спрошу я автора в ответ. Почему именно в этот день и час благополучный житель благополучного мира решил притащиться *«на место для разного человеческого сброда и разнокалиберных отбросов общества»* чтобы пообщаться с одним из вышеупомянутых отбросов? Любопытство? Неубедительно. Познание? И что же герой узнал?

Чтобы найти ответ, следует дочитать рассказ до конца, чего, собственно и добивался автор. Диагноз героя: *«патологическая сентиментальность третьей степени»* выглядит насмешкой, а весь рассказ лопается, исчезает в небытии как мыльный пузырь. Несмотря на вызывающую симпатию самоиронию Кирилла Агеева.

Звездный путь... к терниям

Тема космических полетов, контактов между звездными цивилизациями и по сей день волнует авторов и читателей. Мир, не ограничивающийся пределами планеты Земля, каждый на свой лад попытались воссоздать Лиза Арбузова («Ремиссия»), Ольга Орлова

(«Жребий брошен»), Евгений Непогодов («Внутренняя связь»). Но не для каждого из них задача оказалась посильной

Лиза АРБУЗОВА (г.Барнаул) РЕМИССИЯ

Рассказ претендует на звание фантастического. И атрибуты научной фантастики в нем, несомненно, есть. Чувствуется, кстати, влияние хороших отечественных авторов. Но...

Многое на нет сводит неопределенность темы. О чем все же рассказ? О научно-исследовательской экспедиции? О жизни на других планетах? О странностях инопланетной флоры и фауны? Или о сложностях личной жизни героини в контексте межзвездной экспедиции? Автору надо отрешиться от сумбура, выбрать одно направление и досконально его отработать. Иначе получается ни то, ни се.

Раздражает и отвлекает от хода повествования излишняя перегруженность бытовыми деталями. Объявлен все же конкурс «фантастического рассказа». А суп все мы, женщины, варить умеем.

Жанр «путевых заметок» проверен временем и не так уж плох. Но тогда стоило бы ввести в каждую запись отдельный элемент интриги. Либо, наоборот, связать их чем-то общим, чтобы линия прослеживалась по всей толщине рассказа. Романтическая «болезнь Вихрова» — чем не связка?

Кстати: «толщины» и смысловой многослойности здесь нет. Она только кажущаяся, благодаря бойкости пера (пальцев) автора и замороженным (и ненужным) диалогам. Вот, к примеру:

«Вот ты, Маня, спрашиваешь: «Зачем?» Вопрос не только некорректный, но и вредный.

Во-первых, на него никогда нет точного ответа, и вместо беседы получается сумбур. Во-вторых, если задать вопрос «Зачем?» в контексте самого примитивного исследования, то в итоге всегда бессмыслица. Или все сведется к постановке очередной нелепой задачи. Хочешь доказательств?

— Хочу. К примеру, я лечу на работу, проспала, опаздываю, меня будут за это очень сильно ругать, может быть, даже уволят к чертям... А я задаю себе такой вопрос: «Зачем я надела это платье?»

— То есть в том смысле, что какие цели можно ставить, надев именно это платье?

— Нет, в том смысле, что в этом платье мне обычно не везет, а я, дура, взяла и опять надела именно это. У меня что, других нет? Да полно других... И вот мне опять не повезет. Я сама притянула к себе очередные неприятности. Зачем?

*— Даже неинтересно... Ты путаешь семантические конструкции и пытаешься запудрить мне мозги. В такой ситуации ты, все-таки, задаешь себе вопрос не зачем, а почему. Почему я, дура, надела платье, в котором мне не везет? Ответ на этот вопрос в самом вопросе. Потому что дура (продолжать можно бесконечно **О.П.**)...*

— Как это зачем? Икс, он и на Венере Икс. Мне, наверное, с ним приятно. Я, наверное, хочу его соблазнить...

— За этим последует очередное зачем».

Вот и мне, как читателю, хочется спросить: «Зачем?» Зачем плести словесные кружева, за которыми нет никакого реального смысла?

И остается от всего рассказа единственный хоть как-то запоминающийся эпизод — поимка несчастной говорящей рыбы.

Ольга ОРЛОВА (г.Ярославль) ЖРЕБИЙ БРОШЕН

Рассказ неплохо структурирован, в нем есть все составляющие фантастического произведения. Просматриваются аналогии с вышеупомянутым рассказом М.Токмакова, только у Маузера действуют озверевшие веганы, а у госпожи Орловой — психологи без границ и без предела. Но нравственная, моральная подкладка, без сомнения, одинакова. Благими намерениями мостится дорога в ад, не так ли?

Мне искренне понравился рассказ Ольги, очень четко выписаны душевные метания героя. А вот цель эксперимента, задуманного Ким Кирато (читайте — автором), честно признаюсь, ясна не совсем.

«Уважаемые коллеги, вот и завершилось одно из самых масштабных исследований эволюции человеческой психики. Мы смогли провести структурный анализ и выявить динамику таких понятий, как нравственность, мораль, чувство долга. Мы наглядно доказали, что даже дикарь способен испытывать высшие чувства, не теряя внутренней силы и умения выживать. Мы нашли новые пути развития, нашли те полезные качества, которые современное человечество утратило, это убережет нас от ошибок в воспитании нового и, не побоюсь сказать, лучшего поколения...»

Так кто же герой? Дикарь или спаситель цивилизации? Далее значит: «в ком выгодные человечеству качества сформировались в правильной пропорции. Это Леонид, он имел честь завершить наш эксперимент... Обратите внимание, какая феноменальная устойчивость и гибкость психики...»

Странно... Стоило ли затевать такой дорогостоящий и сомнительно пахнущий эксперимент для того, чтобы выяснить гибкость психики не у современников Ким Кирато, а у... ее дальних предков? Они же так далеки во времени. Разве их мысли и поступки могут служить каким-либо критериям?

Или цивилизация Ким Кирато попросту не желает рисковать своими особями?

«Ни один мой современник не сможет справиться с Миссией.

— Слабые стали? Выродились?

— Нет. Нам не позволяет система нравственных шаблонов. Мы не можем делать такой ужасающий выбор...»

Ну вот: поставили человека прошлого перед выбором, выяснили его реакцию в данной ситуации, установили пределы гибкости психики, *«смогли провести структурный анализ и выявить динамику таких понятий, как нравственность, мораль, чувство долга»*

. И что дальше? Как полученные выводы соотнести с тем, что ученые *«нашли новые пути развития, нашли те полезные качества, которые современное человечество утратило, это убережет нас от ошибок в воспитании нового и, не побоюсь сказать, лучшего поколения...»*

? Здесь явно ощущается некий смысловой провал. Слишком много общих слов. Непонятны цели и устремления людей будущего.

Что потом делать с результатами эксперимента (читай — с Леонидом)?

Как использовать данные?

Клонировать полезный экземпляр? Преподавать в школах умение спасать мир по Леониду? Делать новорожденным прививки геройского пофигизма?

А вот герой рассказа — живой человек, и это — несомненная удача автора. Даже его реакция, его финальный взрыв и желание убить — очень естественны и реальны. А

макет КосКома и далекого земного будущего так и остался макетом — картонным и неубедительным, выступая в роли декорации.

Но, повторяюсь, рассказ мне понравился. Ольге, несомненно, нужно следовать облюбованной стезе и ни в коем случае не отказываться от дальнейших творческих поисков.

А вот «*Внутренняя связь*» Евгения Непогодова (г.Усть-Каменогорск, Казахстан) ничего, кроме недоумения, не вызывает. Да простит меня Евгений, пустословие и вымученное повторение одних и тех же диалогов приносит лишь одно желание — далее не читать. На основании: «

От автора: Короче, всего 307 или 308 частей, не помню... Так что вы, если что, но не до того как, а уж после, ежели совсем никуда, тогда конечно, а коли да, то вам непременно, потому что вообще-то будет...

» — можно сделать вывод, что автор принял участие в конкурсе из чистого озорства. Или «на слабо».

Этот мир придуман не нами...

И хочется воскликнуть — слава Богу, читая попытки Ольги Кравчук (г.Симферополь, Украина) и Ивана Жанова (г. Дублин) симитировать нечто в жанре фэнтези. Именно симитировать, причем весьма неумело. Фэнтези, несмотря на свою «сказочность», предъявляет к автору высочайшие требования, иначе сказка превращается в отраженную в кривом зеркале быль.

Иван Жанов, создатель «Белого альбома», без видимой цели блуждает в иных мирах. И сам их не понял, и читателям не смог о них рассказать. В неконтролируемом потоке сознания затерялись и герои, и сюжетная линия, и связное изложение.

По одному тексту трудно судить, что послужило причиной литературной неудачи Ивана. Но с первых же строк рассказ производит неопределенно-мутное впечатление, чтение удовольствия не доставляет — распутывать сюжет (вернее его отсутствие) — желания не возникает.

Текст выглядит пустым, цель его написания совершенно не ясна. Дотянуть до уровня Шекли? Утопия. Стил? Не просматривается. Социальная подстежка? Натянута, как у жилетки рукава. Структура? Примитивна. Подзаголовок (Из рукописей, найденных на Лезо) выглядит неуклюжей попыткой спасти ситуацию.

Рассказ *Ольги Кравчук «В поисках суши»* — пример неудачи иного рода.

Он внешне гладок и по размерам уместен... Но, при ближайшем рассмотрении, кроме гладкости и кажущейся (!) цельности ничего в себе не несет.

Ясно видна вторичность (и даже третичность!!!) сюжета, что делает его неинтересным и абсолютно предсказуемым. Ясно чувствуется влияние образцов (причем не самых лучших) боевой фэнтези. Борьба между добром и злом, некие силы посередине, воспоминания об угаснувшем великом роде и так далее — можно перечислять бесконечно. В промежутках — воинственные стычки, вспышки насилия, отрубленные головы и реки крови.

Рассказ представляется не целостным и законченным произведением, а, скорее, предисловием к некому «глобальному творению». Либо отрывком из него.

Из вышеизложенного вытекают и другие недостатки, как то: общая спутанность сюжета, неоправданные повороты:

— весьма неубедительно мотивированный скачок телепатических свойств у героини;

— мутные рассуждения о том, как противоборствующие стороны используют возможности своего мозга;

— непонятные перемещения в пространстве и т. д.

Конечно, можно возразить: в хорошей фантастике должны оставаться моменты непознанного, элемент, так сказать, интриги. Но, честно говоря, додумывать и познавать тривиальные ситуации совершенно не хочется.

Ясно чувствуется автором незнание (или, скорее, неощущение) материала.

Бесцветны диалоги:

— Селена, посмотри вдаль, — крикнул Келеас. Я взяла с борта бинокль и поднесла к уставшим глазам. На горизонте дрейфовал незнакомый корабль.

— Что ты об этом думаешь? — осведомился молодой парень, примкнувший к нам несколько лет назад.

— Он выглядит слишком спокойным, но непохоже, чтобы это судно принадлежало Светлым, — мой голос не выражал особого интереса.

— Базл решил подойти ближе и посмотреть, что там. Может, удастся добыть что-то полезное, — в его глазах блеснула надежда на поживу...

Так же неопределенны, расплывчаты и безэмоциональны формулировки: «.. какой-то обряд», «язык, похожий на древнеславянский...»

Режут глаз стилистические погрешности и логические провалы (пусть даже задуманные автором):

«Боль отступила так же внезапно, как нахлынула, и мои глаза забегали в поисках странного человекоподобного существа» (почему именно человекоподобного существа — мгновением раньше это был «молодой мужчина со смуглой кожей и черными волосами, его торс был оголен и на теле четко выступали мощные мышцы». Героиня определила степень человекоподобности по бездонным глазам? Но ей ли удивляться, учитывая, какими возможностями обладают, судя по всему, все жители ее планеты/страны/мира?

«на руке тут же проявилась окольцовывающая ее гематома» (почему не просто синяк? «Гематома» вообще-то — медицинский термин).

И так далее, и тому подобное. Недостатки можно перечислять и далее. Очень хочется пожелать Ольге полностью прочувствовать, ощутить тему произведения. И, конечно же, обрести важное для каждого писателя обостренное чутье слова.

Недосверхчеловек

Глобальную тему для себя определил Андрей СОЛОДЯНКИН (г.Радужный, Владимирской обл.) . И в рассказе «Рефаим»... блистательно провалил ее.

...Собака восемьдесят четвертый год подряд приходила на могилу своего хозяина, профессора математики...

(О собаке — неплохо! Вполне художественно. Вопрос — а откуда 84 года? Хочется конкретики!)

...Тогда-то я заметил, что стал увереннее, что у меня обострилось зрение и слух, что я стал разборчив в еде, предпочитая всем продуктам мясо, а, самое главное, я стал меняться внешне. У меня слегка удлинились уши, и на них, что мне тогда очень не понравилось, выросли волосы, что-то вроде кисточек у рыси...

(Он превращается в собаку? А иначе как связать с вступлением? И с покойным профессором?)

... Я знаю, что не был поглощен страстью, но девушка была в итоге полностью удовлетворена. Во всяком случае, это читалось на ее лице, по которому была разлита нега и блаженство...

(Квинтэссенция пошлости! Кобель проснулся? Даже не художественно!)

А у меня от этой встречи остались в памяти ощущение стойкого запаха женских духов и постоянно присутствующей в воздухе спиртовой отдушки, из-за которых мне приходилось часто задерживать дыхание. С тех пор единственным мерилем женской привлекательности стал для меня запах духов, а точнее, его отсутствие.

(Собачий нюх? А где обоснование? Где развитие данной сюжетной линии?)

... Я плыл, а волны все усиливались и усиливались, пока я не оказался в самом эпицентре стихии. Это было прекрасно. Помню, что я был счастлив. Когда шторм прошел, я почувствовал себя усталым, каким не был уже несколько месяцев. Усталость была

приятна...

(Так кто он в перспективе?? Пес или морской котик?? Где мотивация и связи?)

... И вот в начале лета я в своей московской квартире — практически без денег, без работы... От чего моя печаль? Когда я смотрю в зеркало, то вижу в нем постаревшего изнуренного мужчину, покрытого морщинами и сединой. Правда, ко мне вернулась способность мыслить и я даже кое-что записал...

Но где моя молодость? Где она!? Что теперь? Надеюсь, небеса меня снова услышат...

(А причем здесь возраст героя? И зачем такая отчаянная просьба?)

Как говорится: «Ищите, да обрящете».

(Знать бы, что искать! Автор и сам не знает!!!)

Прослеживаются три линии, из которых можно было бы развить вполне самостоятельные и, как минимум, читабельные произведения: собака 84-х лет на могиле профессора; обретение героем необычных свойств; возвращение (сказка о потерянном времени или легенда о Рипе Ван Винкле — пока герой жил в свое удовольствие, в мире людей произошли необратимые изменения).

И напоследок — если мне память не изменяет, рефаимы — это древняя библейская раса великанов. Почему Андрей Солодянкин назвал свой рассказ именно так, понять не представляется возможным.

Страх как стимул к жизни

Под таким условным заголовком я посчитала возможным объединить рассказы «Рубеж» (tov. Voroshiloff из Брянска)

и

«Лесные фейри» Ренаты Андреевой (г. Санкт-Петербург)

. Именно страх, как часть неведомого, выступает побудительной силой героев в этих произведениях. В «Рубеже» символ страха — черный алтарь, до предела напитанный энергией смерти, его уничтожение побуждает Петро присоединиться к «тем, кто вспомнил» и начать новую жизнь в борьбе против сил зла. В финале «Фейри» героиня, чудом спасаясь от атаки ядовитых насекомых-мутантов, духовно взрослеет, избавляется от подростковых иллюзий, учится видеть мир по-другому.

Искренне жаль, что рассказ Voroshiloffa насквозь условен и эта условность слишком остро чувствуется. Особенно неубедительно выглядит концовка. «Рубеж» представляется частью крупного произведения, не вполне удачно вырванной из целого.

А вот рассказ «Лесные фейри» мне искренне понравился. Он живо воскрешает лучшие традиции классического хоррора, когда Нечто, явившееся из Ниоткуда, не только пугает и убивает, но заставляет задуматься: что мы делаем не так? Что пошло не туда в нашем родном привычном мире? Рядовые люди, волею судеб попавшие в необычные, чуждые, страшные обстоятельства, то, как они преодолевают страх — этой благодарной темы не чуждается и сам Стивен Кинг.

Дивно прекрасные и смертельно ядовитые существа не случайно появились в лесу рядом с ничего не подозревающими людьми. Какой нечеловеческой дрянью жители отравили природу, если даже хрупкие златоглазки мутировали в безжалостных убийц? А столкновение с ними — проверка на прочность, в том числе и на стойкость — человеческих отношений — дружбы, любви... Не случайно в финале героиня горько сокрушается, что пошла на поводу неприязни к подруге, не поговорила с Олегом, не предупредила его о маленьких зеленых убийцах, таящихся в лесу.

Очень хотелось бы познакомиться с другими образцами творчества Ренаты Андреевой.

Фантастика и фантазии

Вот перед нами три произведения: «Галатея» Тамары Бросалиной (г.Барнаул), «Сослагательное наклонение» Марии Терновой (г.Москва) и «Шаг в параллельный мир» Илоны Титовой-Сарьян (Санкт-Петербург)

Эти три рассказа хочется вынести особняком. И не только из-за того, что вышли из-под женского пера. Во всех произведениях просматривается общность сюжетной линии — героиням — каждой по своему — дается возможность попасть в альтернативную жизнь.

Но на этом сходство и заканчивается.

Героиня «Галатеи» путешествует в иную жизнь в своих мечтах, да и все повествование выглядит как попытка перенести на лист бумаги лирические фантазии и чаяния юной девушки.

Татьяна Капранова/Зими́на из «Сослагательного наклонения», находясь на грани отчаяния, высшей волей переносится в свою юность — когда еще можно все переиграть. избежать трагических ошибок.

Ника («Шаг в параллельный мир») тоже пробавляется (другого слова не подберу) фантазиями. Вот только это фантазии уже зрелой женщины, порой соскальзывающие в мутноватую эротику.

И вот из всех героинь самый живой, страдающий, вызывающий сочувствие человек — Татьяна. Рассказ Марии Терновой сочетает в себе литературность, соответствие жанру

современной психологической фантастики, структурированность, знание психологии и стиль — эти составляющие одновременно не удалось ухватить ни Тамаре Бросалиной, ни Илоне Титовой-Сарьян. И если героиня «Галатеи» (несмотря на то, что явно вышла не из пены морской, а с девичьего форума) — вызывает симпатию — хотя бы в силу своей молодости и романтичности, то Ника из «Шага в параллельный мир» выглядит ходульной и тривиальной фигурой. Рассказ не соответствует заявленному жанру, обычно такими историями пестрят страницы гляцевых журналов. Там, собственно, они и находят своих читательниц.

А вот «Сослагательное наклонение», надеюсь, займет почетное место в конкурсном сборнике. Поздравляю с удачей, Мария!

Ольга ПРИХОДЬКО